

Благодарность?

Будто в подтверждение этих слов перед Гу Цзицином стоял целый термос, доверху забитый очищенными каштанами. Вспомнив свой дневной разговор с Ся Цяо, он, даже при всём своём нежелании гадать на кофейной гуще, сообразил: дело нечисто.

— Ты думаешь, я всё ещё злюсь? — спросил он, глядя на Чжоу Цыбая.

Пальцы того, сжимавшие ручку термоса, заметно напряглись.

Цзицин всё понял.

Хотя они были знакомы от силы ничего, дневных наблюдений хватило, чтобы раскусить этого парня: Чжоу Цыбай до мозга костей был человеком воспитанным и гиперответственным. Врезавшись в собственную же ошибку, он наверняка изгалялся над собой от чувства вины.

Вот только совершенно напрасно.

Обычное недопонимание — случайный сбой в коммуникации, без всякого злого умысла. К тому же Цзицина с детства мало волновало, что о нём думают окружающие. А вот чужая гложащая совесть могла стать ненужной обузой для них обоих.

Пока Гу Цзицин подбирал мягкие, вежливые слова, чтобы дать понять, что инцидент исчерпан, и когда колено заживёт, они смогут спокойно держать дистанцию, Чжоу Цыбай опередил его:

— Я... я всё-таки обязан извиниться перед тобой официально.

— М?

Цзицин удивлённо качнул головой.

Чжоу Цыбай опустил густые ресницы. Ему явно было не по себе, но он старался говорить максимально искренне:

— Раньше я напридумывал себе глупостей и наговорил тебе кучу грубостей. Тебе, должно быть, было паршиво. Но ты тут ни при чём. Если... если ты не против, мы могли бы попробовать общаться нормально. Как простые друзья.

Он поджал губы, сохраняя внешнее хладнокровие, но побелевшие фаланги пальцев на термосе выдавали его с потрохами.

Гу Цзицин на мгновение замер.

Вообще-то, учитывая гомофобию соседа, вариант «чужие люди под одной крышей» казался ему куда удобнее и заманчивее. Но смотреть на этот напряжённый, виноватый вид было почти больно.

Жертвовать собственным комфортом ради чужого спокойствия давно стало для Цзицина привычкой. Заглушив сомнения, он привычно кивнул:

— Ладно. Будем ладить как нормальные соседи.

Чжоу Цыбай выдохнул так облегчённо, будто с его плеч свалился гранитный валун.

— Вот и отлично! Скушай, пока горячие, а то остынут — вкуса не будет. Я пошёл чертить. Закончишь — оставь термос, сам помою.

Пытаясь сохранить невозмутимый вид, легенда университетской баскетбольной команды двинулся к своему столу — и в абсолютной панике пошёл одноимённым шагом, перепутав руки и ноги.

Цзицин не удержался от лёгкой улыбки:

— А бинт перевязать?

Чжоу Цыбай споткнулся:

—... О.

На этот раз Чжоу Цыбай дёргался меньше, хотя мышцы на икре всё ещё оставались натянуты, как струны. Впрочем, к концу процедуры его уши снова налились густым пунцовым цветом — точь-в-точь варёные раки.

Похоже, гомофобию как рукой не сняло. Просто хорошее воспитание пересилило инстинкты.

«Раз уж так», — подумал Цзицин и аккуратно завязал концы бинта изящным бантиком.

Чжоу Цыбай шокированно уставился на аккуратную бабочку, красующуюся на его накачанной, мускулистой голени. Он уже открыл рот, чтобы возразить, но Гу Цзицин поднял на него сияющие глаза:

— Не болит?

—... Нет, — проглотил протест Чжоу Цыбай.

— Ну и хорошо. Отёк почти спал. Завтра ещё день поприкладываешь лёд, и сможешь нормально ходить.

В его голосе прозвучало искреннее облегчение и забота.

С пылающими ушами, так и не решившись развязать девчоночий бантик, Чжоу Цыбай молча вернулся за стол, нацепил очки и уткнулся в чертежи для Ван Цюаня.

При прошлых встречах этот парень всегда представал после тренировок — распалённый, пышущий энергией и юношеской агрессией. Но сегодня, оставаясь дома, он надел тёмно-серый вязаный свитер с круглым вырезом и тонкие очки в изящной оправе.

Линзы, судя по всему, были с минимальными диоптриями, но они удивительным образом сглаживали резкие, хищные черты лица. Когда он сосредоточился на работе, от его образа повело благородным холодом и сдержанной, строгой привлекательностью.

Гу Цзицин вдруг вспомнил своё самое первое впечатление: неприступный, ледяной красавец с опасным характером.

Кто бы мог подумать, что парень с лицом классического рокового мерзавца из романов на самом деле до смешного чист душой, смутителен и дотошен в вопросах морали — вплоть до того, что читает нотации о необходимости есть овощи.

А ведь он милый.

Пожалуй, жить с таким соседом будет вовсе не плохо.

Вспомнив, как неуклюже Чжоу Цыбай признавал свою вину, Цзицин невольно подумал о Чжоучжоу. К слову, мальчик, который когда-то помог ему подобрать этого котёнка, был точно таким же стеснительным борцом за справедливость.

Интересно, как он сейчас?

Цзицин опустил ресницы. Когда он наконец съедет из общежития, обязательно заберёт Чжоучжоу к себе. Всё-таки единственная ниточка к прошлому.

Стоило подумать о доме, как перед сном раздался звонок.

— Чжи-Чжи, милый, ты не слишком занят? В Пекине снова похолодало, ты одеваешься потеплее?

Голос госпожи Инь Лань, как и всегда, звучал мягко, певуче и обволакивающе. Даже посторонний человек, услышав эту интонацию, без труда угадал бы в ней благородную даму из высшего общества — из тех, кто превыше всего ценит приличия и безупречные манеры.

Цзицин слушал эти речи уже десяток лет и давно перестал гадать, не устаёт ли мать от собственной наигранной идеальности.

— Всё в порядке, мама, — тихо ответил он. — Нагрузка небольшая, одеваюсь тепло.

— Вот и славно. Ты у меня всегда был самым разумным ребёнком, — Инь Лань сделала едва уловимую паузу, а затем мягко продолжила: — Чжи-Чжи, скажи, у тебя есть свободное время на этих выходных?

Ежедневная рутина госпожи Инь состояла из управления огромным хозяйством семьи Гу и угадывания настроений многочисленной родни. На дела собственного сына времени у неё практически не оставалось. Раз она спросила напрямую — значит, что-то нужно.

— Что-то случилось? — так же мягко и ровно поинтересовался Цзицин.

Инь Лань не придавала значения его безучастному тону и щебетала дальше:

— Твой отец хочет расширить бизнес в столице. Как раз на днях у одного очень влиятельного партнёра юбилей. Отец сейчас за границей, поэтому отправил твоего брата. Но ты ведь знаешь, какой у нас Гу Цзюэ...

Она вовремя осеклась и умело сменила тему:

— В общем, отец узнал, что сын этого партнёра тоже учится в Цинда. Ты у нас сдержанный, воспитанный, со всеми находишь общий язык. Вот отец и подумал, что вам с Гу Цзюэ стоит пойти вместе. Покрутишься в обществе, наберёшься опыта. Вы же братья, должны помогать друг другу.

Гу Цзицин искренне сомневался, верит ли материнское сердце в последние слова.

То, что он звал Гу Цзюэ «братом», вовсе не делало их родными людьми, как и имя «отец» в адрес мужа Инь Лань не превращало того в настоящего родителя. Гу Цзюэ просто требовался удобный, послушный фон, на котором его собственное превосходство сияло бы ярче —

аксессуар для выхода в свет.

Вспомнив все прошлые мероприятия, где ему приходилось присутствовать вместе с «братом», Цзицин почувствовал глухую усталость.

Но он никогда не перечил просьбам матери. Точно так же, как с пяти лет научился не раздражать её нового мужа и пасынка.

— Хорошо, мама. Не переживай, я пойду.

На том конце провода Инь Лань явно вздохнула с облегчением:

— Я всегда знала, что на моего Чжи-Чжи можно положиться! Кстати, я тоже приеду и привезу Чжоучжоу. Ты ведь всё равно после семестра планируешь снимать жильё? Вот я и подумала: может, помочь тебе присмотреть квартиру заранее?

Каждый раз, чувствуя укол совести перед сыном, Инь Лань пыталась загладить вину материальными вещами — словно покупала себе индульгенцию.

Цзицин прекрасно понимал её мотивы и, как всегда, не стал отказываться:

— Спасибо, мама. Было бы здорово.

— А ты точно справишься с Чжоучжоу эти два месяца? Он не будет тебе мешать? А то в прошлый раз чуть не сбил с ног жену твоего второго двоюродного брата...

Она осеклась на полуслове, осознав, что взболтнула лишнего, и мгновенно замолчала.

Гу Цзицин, сжимая в руке трубку, медленно опустил взгляд.

Вот оно что. Теперь понятно, с чего вдруг мать решила привезти питомца.

Котёнок просто стал обузой.

Впрочем, ничего нового: раз уж сам Цзицин оказался не нужен в доме и уехал учиться в Пекин, то и Чжоучжоу в Наньу больше места не было.

Почувствовав застывшую на том конце провода неловкость, Цзицин спокойно, почти весело улыбнулся:

— Не волнуйся, мама. Чжоучжоу — чудесный малыш, я его очень люблю. Я с радостью за ним присмотрю, а на каникулах приедем к тебе в Наньу. Если больше ничего нет, я буду ложиться.

Положив трубку, Цзицин поднял глаза на оконное стекло, за которым бесшумно кружили хлопья снега.

Развернувшись к комнате, он натолкнулся взглядом на Чжоу Цыбая. Тот стоял у дверей, опираясь на стену и держа в руках тёплую кофту.

Затянулась неловкая пауза.

— Я... я думал, ты долго будешь говорить, — спотыкаясь на словах, Чжоу Цыбай протянул ему кофту и, неуклюже переставляя здоровую ногу, буквально побежал к своей кровати.

При его мощном плечевом поясе и прессе запрыгнуть на верхний ярус обычно не составляло никакого труда, даже с травмированной ногой. Но сейчас он от паники чуть не сорвался с лестницы.

Цзицин удивлённо изогнул бровь.

Смущаться из-за обычной заботы? Как с таким характером он собирается искать девушку?

Впрочем, с такой внешностью ему вряд ли грозит одиночество.

Не придавая этому значения, Цзицин умылся, выключил свет и лёг. Вскоре в темноте послышалось его ровное, тихое дыхание.

А вот Чжоу Цыбай ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз.

Балконная дверь глушила звуки, да и говорил Гу Цзицин вполголоса, поэтому разобрать весь разговор не удалось. До его уха долетали лишь отдельные обрывки:

«Чжоу-Чжоу всегда такой милый...», «Я так его люблю...», «Буду заботиться о нём...», «Как-нибудь привезу его к тебе...».

В голове у баскетболиста образовалась абсолютная каша.

Он не знал, есть ли у Гу Цзичина привычка удваивать слоги в чужих именах, но раз окружающие звали его Гу-Гу, то почему бы ему не звать кого-то Чжоу-Чжоу?

Но что значит «всегда»? И это «так люблю»?

Звучало так, словно они знакомы тысячу лет!

Они ведь с Гу Цзицином только-только познакомились, так что речи о нём идти не могло!

Тогда к чему фраза «буду заботиться о нём»?

Вспомнив, как трепетно сожитель ухаживал за его больной ногой последние дни, Чжоу Цыбай в раздражении перевернулся на другой бок.

И что за «привезу в Нань»?

Гу Цзицин родом из Нань?

Мог ли он знать Чжоу Цыбая ещё оттуда?

Да нет, бред. В школьные годы Цыбай был упитанным пухляшом, ни капли не похожим на себя сегодняшнего. Даже если они пересекались, Цзицин ни за что бы его не узнал. К тому же единственным человеком, проявившим к нему доброту в Нань, была его давняя детская влюблённость.

Мысли о детстве немного успокоили Чжоу Цыбая.

Хватит. Он уже дважды несправедливо обвинял Гу Цзицина, третьего раза допустить нельзя. Раз уж они договорились быть нормальными друзьями, придётся переступить через свой дискомфорт рядом с геями.

К тому же... когда Гу Цзицин стоял на балконе и говорил по телефону, он выглядел каким-то...

Одиноким.

Даже не то чтобы одиноким, а скорее потерянным, будто во всём мире остался совсем один.

Хотя глупости всё это. У такого парня поклонники и друзья должны стоять в очереди. С чего бы ему быть одиноким?

Так и не найдя ответов, Чжоу Цыбай вздохнул и решил отложить эти думы на потом. Он закрыл глаза, собираясь уснуть.

И в этот момент замер.

На соседней кровати полусонный Гу Цзицин протёр глаза и сел. Похоже, ему стало слишком жарко от батарей: тихо недовольно проворчав, он пару раз дрыгнул ногами под одеялом, скидывая пижамные штаны.

Затем с полузакрытыми глазами откинул одеяло, спустился вниз, налил себе воды, выпил, поставил стакан на стол...

И на автопилоте пополз вверх по лестнице Чжоу Цыбая.

Забравшись на чужую кровать, он без колебаний юркнул в свободное пространство, которое Цыбай только что освободил, переворачиваясь на бок. Свернувшись калачиком, Цзицин уткнулся носом в край чужого одеяла, обнял его и сладко заснул.

Две его абсолютно голые, длинные, ровные и ослепительно белые ноги беззастенчиво обвили одеяло Чжоу Цыбая.

Чжоу Цыбай, ставший свидетелем этого перформанса от начала и до конца:

—...

Спустя секунду кровь с такой силой ударила ему в голову, что лицо запылало, как доменная печь.

Да что не так с этим человеком?! Почему он вечно спит без штанов?!

Чжоу Цыбай вытянул руку, намереваясь немедленно растолкать нарушителя спокойствия.

Но едва его пальцы коснулись хрупкого плеча, Гу Цзицин доверчиво прижался щекой к подушке и тихо, сонной заплетающейся скороговоркой пробормотал:

— Мам, я так устал... Можно я немного посплю, а потом пойду помогать брату с плакатами?..

Голос был мягким и нежным, как всегда, но в нём проскальзывали детская беспомощность и бредовая тоска родом из далёких снов.

Пальцы Чжоу Цыбая застыли в воздухе.

Он медленно отвёл руку. Поджав губы и чувствуя, как горят уши, он осторожно взял своё второе одеяло и аккуратно, от плеч до самых лодыжек, замотал Гу Цзицина в плотный кокон, не оставив ни сантиметра открытого тела.

Затем накинул на себя куртку и лёг на самом краю кровати, повернувшись к «кокону» спиной.

Завтра же. Завтра же он пойдёт и купит четыре плотные шторы для кроватей. Иначе, если этот парень продолжит разгуливать без штанов во сне, когда вернутся Лу Пин и Чэнь Цзи, произойдёт катастрофа.

<http://bllate.org/book/20143/1992106>